

АКВА. Север.

Владимир Венгловский «Нортер»

О з н а к о м и т е л ь н ы й ф р а г м е н т

Пролог. На abordаж!

Время перед началом утренней вахты мореходы называют «часом кракена». В эти предрассветные минуты над водой раздаются громкие щелчки, словно где-то в океане пускаются в пляс невидимые танцоры.

Но это песня не людей. Не мифических русалок. И даже не звуки, которые издаёт галька, поднятая со дна течением. Говорят, что так поют кракены, радуясь восходу Матушки.

Капитан «Сестры» Керек яр Пассат хорошо знал, что эти твари просто хотят жрать. Они всё время голодны и поэтому, едва забрезжит рассвет, поднимаются к поверхности океана в поисках добычи. На правой руке Керека остался шрам от крючьев чудовища, и капитан навсегда запомнил вкус красной от крови солёной воды, боль и страх тех секунд, когда тебя затаскивают на глубину скользкие щупальца. В утренние часы его нервный тик усиливался, и Керек старался не выходить из своей каюты. Даже брился сам, без чьей-либо помощи.

Голый по пояс, он сидел за столом, смотрелся в зеркальце и тщательно наносил мыльную пену на подбородок. Правое веко заметно дрожало. Проклятые морские твари! Керек заставлял себя не слышать их пения, проникающего даже сквозь толстые стены каюты. Но когда щелчки прекращались, они всё равно продолжали звучать в его голове — то тише, то громче, пробуждая давние воспоминания.

В том далеком восемьдесят восьмом, пятнадцать лет назад, Керек был выпускником Морской академии Бриза — молодым, красивым, уверенным в себе аквамором. Без этого мерзкого дрожания под правым глазом. Весь его колледж ходил в плавание на фрегате Академии, славном «Владыке морей», помнящем великие сражения и победы. На борту корабля были все друзья Керека, с которыми он вместе учился, гулял по кабакам и борделям.

«Что, сбрызги¹, — ухмыльнулся в то утро капитан «Владыки» дель Ораф — хотите изведать крови?»

Корабельный почтарь почувствовал кракена справа по борту, и капитан решил устроить для выпускников-акваморов морскую охоту — опасное развлечение, забаву для настоящих мужчин. Едва шлюпку подготовили к спуску, как у Керека противно задрожали ноги. Он не боялся ни пьяных драк, ни требовательных преподавателей, но эта хищная тварь из глубины пробуждала у него неприкрытый ужас. Хотелось все бросить и забиться в дальний угол кубрика.

«Возьмите, яр Керек», — протянул ему боцман тяжёлый гарпун.

От боцмана вечно несло протухшей рыбой и дешёвым табаком. Всем своим видом он вызывал у Керека отвращение. Казалось, что боцман это чувствовал и нарочно пытался чаще попадаться на глаза, при этом ехидно улыбаясь и склоняя голову. Поговаривали, что он не коренной бризолец, а родом откуда-то с дальних островов и своего первого врага убил в сражении, когда был ещё мальчишкой. Во время охоты Керек оказался в полной его власти.

Боцман склонился над водой на самом носу шлюпки и, то и дело сплевывая за борт, ударял по поверхности деревянной колотушкой. «Ум-м-м-к», — плыли над водой звуки, похожие на кваканье огромной лягушки. «Ум-м-м-к!». И откуда-то из глубины им вторило живое эхо: «Ум-м-м-к!». Всё ближе и ближе. Кракены никогда не подплывут к кораблю, но маленькую шлюпку вполне могут принять за добычу.

«Ум-м-м-к!» — раздалось где-то совсем рядом, и под лодкой скользнула огромная тень.

«Бейте по глазам», — ухмыльнулся боцман, посылая за борт смачный плевок.

Эх, дать бы ему в морду, подумал тогда Керек, но вместо этого лишь сильнее сжал гарпун. Он не струсит. Он убьёт чудовище.

«Всадите остриё поглубже, так, чтобы тварь не успела никого сцапать», — добавил боцман.

«Или ты обделался от страха, сопливый сбрыз?» — читалось в его насмешливом взгляде.

Сейчас, спустя пятнадцать лет, сидя перед зеркалом и проводя по щеке острой бритвой, Керек видел события того утра так ясно, будто они произошли вчера.

Словно в страшном сне, из воды вынырнула жуткая голова чудовища. Клюв — раздвоенный в верхней части и загнутый, как у хищной птицы — раскрылся в немом крике. Огромные глаза, казалось, смотрели только на Керека. Над ними в складках багровой кожи щурились множество глазок поменьше. Под зашейными пластинами хлюпали жаберные щели — «крак! крак!». На них надувались и лопались пузыри, разбрызгивая слизь.

«Бросайте, яр!» — долетел откуда-то издалека крик.

Керек неотрывно смотрел на кракена.

«Бросай же, дьявол раздери!»

Но Керек видел только эти огромные жёлтые глаза и тонул в их глубине. Гарпун вырвали у него из рук. Кто-то, смачно ахнув, всадил остриё в раззявленную пасть чудовища. Но в это время из-под воды взметнулось длинное щупальце, вцепилось крючьями в руку Керека и сдёгнуло его в воду.

Кереку казалось, что он падал бесконечно долго, хотя на самом деле прошла лишь секунда, прежде чем волны сомкнулись у него над головой. Керек кричал, но окрашенная кровью вода заполнила горло, и изо рта вырвалась лишь стайка пузырей.

Где-то под ним бился подышающий кракен, из пасти которого торчал гарпун. Тварь опускалась всё глубже и глубже, увлекая Керека за собой в темноту. Парализованный страхом, Керек не сопротивлялся. Уже теряя сознание, он заметил, как кто-то проплыл рядом и полоснул ножом по щупальцу. Раз, другой, пока оно, отделённое от тела чудовища, не закрутилось, будто подышающая змея. Затем этот кто-то — боцман, как стало понятно позже — подхватил Керека под мышки и выволок на шлюпку.

«Дьявол забери, живой!»

Керек сидел, захлёбываясь, кашляя и выплёвывая воду, хватал ртом воздух, словно вытащенная на берег рыба, и не мог сказать ни слова.

И ещё Керек обмочился. Он надеялся, что в потоках воды этого никто не заметит, но по хитрому взгляду боцмана понял, что тот догадался. До самого конца учебного плавания Керек старался всё свободное время проводить в кубрике и ни с кем не встречаться. Страх навсегда поселился в его сердце.

Рана на руке зажила, но шрам до сих пор ныл перед непогодой. И ещё у Керека появился нервный тик. Сильнее всего правый глаз дёргался поутру, когда кракены пели свои песни. «Ум-м-м-к!» «Ум-м-м-к!» Хотелось зажать щеку ладонью и забиться в тёмный шкаф, подальше от этого мира и дьявольских чудовищ.

Снадобья проклятых лекарей не помогали. Не принесло избавления даже нашёптывание знахарки, к которой Керек специально плавал на Тонду. Ему казалось, что старая ведьма тоже смеялась над ним. Хихикала, как боцман с «Владыки морей»: «Ты обмочился, сосунок. Пустил от страха струю».

Проклятье! Керек ударил по зеркалу, и оно отлетело на край стола.

Хуже всего, что после того плавания у Керека начались проблемы с женщинами. У него ничего не получалось, тело раз за разом подводило. Как-то однажды он специально нашёл именно ту шлюху, с которой потерял девственность на первом курсе Академии, — теперь Лейза обслуживала клиентов не в заведении панны Марты, а в дешёвом портовом

борделе. Но это, казалось бы, верное средство тоже не помогло. «Твой дружок уже не поднимется! — смеялась Лейза вслед выбегавшему из её грязной комнатухи Кереку. — Никогда! Слышишь, никогда!»

Сволочь! Жалкая шлюха! Он больше не пытался ни с кем сблизиться, опасаясь снова опозориться. Нанимал девиц лишь затем, чтобы они сбрасывали одежду и танцевали перед ним голышом. Те уходили довольные, унося пригоршни монет и радуясь, что так легко их заработали. Теперь он навсегда останется один. Даже бриться приходилось самому.

Керек тщательно провёл бритвой по шее. Может быть, стоит надавить посильнее, разом прервав этот чужой смех в голове? Нажать и захлебнуться в собственной крови? Глупо. Все лишь опять посмеются. «Этот неудачник даже сдохнуть не мог как полагается», — скажут они.

Настоящие мужчины стреляются. Нет, вставить ствол пистолета в рот и спустить курок тоже глупо. Храбрецы вызывают врага на дуэль и погибают в поединке. Но у него и врагов-то нет. Только бывшие друзья, с которыми он учился ещё в Академии.

Все они давно выбились в люди.

Даже его лучший друг Кампан яр Пассат по прозвищу Дикарь. Любимым занятием Кампана было устраивать потасовки в питейных заведениях, за что его не раз собирались отчислить. Правда, папаша старины Кампи знался с самим таном и всегда выручал своего отпрыска. После учёбы Кампан долго ходил лейтенантом на флоте его величества, а затем бросил всё к дьяволу и отправился на вольные хлеба, став охотником за головами. Теперь командует собственным фрегатом, ловит отверженных и живёт как всегда хотел.

Керек с такой силой сжал бритву, что показалось, та сейчас хрустнет в его руке.

Его Дикарь к себе не позвал.

В отличие от друзей Керек никто — всего лишь капитан трёхмачтовой шхуны. И ничего другого в его жизни не предвидится. Ни дальних островов, ни южных вод, ни больших кораблей, ни-че-го.

Вот и сейчас ему навязали этого ублюдка Рустума, отпрыска покойного наследника престола Батара и какой-то дикарки. Его надо доставить в Бризоль вместе с оплаченным направлением на учёбу. Тут и гадать нечего — его величество нынешний тан Пассата Рамил посчитал этого шестнадцатилетнего парня серьёзной для себя угрозой и захотел побыстрее от него избавиться. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон.

Теперь Рустум бродит по шхуне и постоянно чего-то требует. Кереку уже не раз хотелось схватить этого сосунка за тощую шею и вышвырнуть за борт на корм акулам. Жаль, нельзя.

Керек промокнул лицо распаренным полотенцем. Совсем скоро «Сестра» придёт в столицу, и он избавится от царского бастарда. А там — хорошая выпивка, танцовщицы в ближайшем борделе — и гори оно всё огнем! К дьяволу! Керек поднялся, зажимая ладонью дёргающуюся щеку, и в эту секунду входная дверь с грохотом распахнулась. В каюту ворвался Рустум.

— Пираты! — закричал он. — Пираты прямо по курсу!

— Пираты? — удивился Керек.

Здесь? В проливе Ланкр, в неделе пути до Бризоли и часе от форта Ренф? Этого не может быть! В первую секунду Керек решил, что над ним насмеются. Но Рустум выглядел не на шутку встревоженным. Тогда Керек накинул камзол прямо на голое тело и выбежал на палубу.

У фальшборта на носу шхуны уже столпились матросы. Почтарь Скэр де ла Муссон, от которого изрядно несло утренним абсентом, протянул Кереку подзорную трубу. Правая щека Керека дёргалась, труба дрожала, и это мешало как следует рассмотреть встречный корабль. Но всё же Керек увидел достаточно, чтобы его раскрасневшееся после бритья лицо побелело.

Это был фрегат. Это был проклятый сорокавосемипушечный фрегат, у которого над бизанью развевался чёрный флаг с намалёванным белым черепом. Словно призрак, корабль

выплывал из густого прибрежного тумана, будто сам Бродяга Дек с командой мертвецов поднялся из бездны, чтобы забрать с собой несчастных мореходов с «Сестры».

— «Морская дева», — тихо произнёс яр Керек.

Фрегат убийцы и отверженного Лессава пана Мистраля, известного как Белый Дьявол. Сколько назначено за голову мерзавца — сто, двести маринов?

— Он не посмеет атаковать, — прошептал Керек, словно убеждая самого себя. — Белый Дьявол нападает только на корабли Бриза.

Будто в ответ на его слова с «Морской девы» прогремел выстрел. Ядро ударило в воду невдалеке от шхуны, а на брам-стеннге фрегата взвился красный вымпел — приказ спустить паруса и лечь в дрейф.

Нет! Рядом форт Ренф! Суда Бриза придут на помощь!

Керек крепко зажмурился. Сейчас он откроет глаза — и всего этого не случится. Он окажется в своей каюте, и прекрасная обнажённая девушка с шоколадной кожей будет наливать ему вино. Дьявол! Керек помахал головой, прогоняя наваждение.

Они обречены. Никто не успеет на помощь за столь короткое время. Команде не продержаться против фрегата. Их сметут залпами картечи, а после играючи возьмут «Сестру» на абордаж.

— Капитан, приказывайте, — едва слышно произнёс де ла Скэр.

— Все наверх, поворот оверштаг! — скомандовал яр Керек, стараясь, чтобы его голос не выдавал волнения. — Пошевеливайтесь, увальни! Пять румбов под ветер, живее! Фока и кливер-шкоты развернуть! Лечь на левый галс!

Ноги предательски дрожали, и Керек надеялся, что этого никто не заметит. Только бы опять не обмочиться! Он словно находился где-то вдали, со стороны наблюдая за происходящим.

— Я отправил голубя с призывом о помощи, — тихо сказал де ла Скэр. — Нам надо продержаться хотя бы час.

Нет, они обречены. У них нет этого часа. Керек почувствовал боль в пальцах — так крепко он вцепился в фальшборт.

— Белый Дьявол нападает только на корабли Бриза, — шептал он. — Не на нас. На суда Бриза. Почему мы? Почему ты не почувствовал их раньше?

Де ла Скэр нахмурился. Затем отступил на шаг и обхватил лицо ладонями. А когда их отнял, то его глаза неподвижно смотрели на Керека.

— На «Морской деве» мальчишка, — произнёс де ла Скэр. — У него бронзовая кожа, и он похож на Рустума. Он стоит перед каютой капитана и держит два пистолета. Вот так, — почтарь вытянул руки. — Перед ним толпа. Они недовольны. Вперёд вышел человек со шрамом через всё лицо. Он говорит, что им нужен капитан. Что добыча сама идёт им в руки. Мальчишка отступает. Нет — он собирается стрелять. Но в дверях появляется капитан, — де ла Скэр содрогнулся, его лицо исказила гримаса. — Это альбинос с длинными белыми волосами. Его глаза с багровыми прожилками и кажутся налитыми кровью. Мы сражаемся против Бриза, говорит капитан. Вы, дьявольское отродье, не будете мне указывать, что делать. Он вскидывает руку... К его запястью пристёгнут пружинный арбалет, и... металлический болт впивается в человека со шрамом, — де ла Скэр вскрикнул и продолжил:

— Толпа отшатнулась. Отступила. Хорошо, говорит альбинос, у нас кончаются запасы, и мы возьмём это судно. Приготовьтесь, кракеновы дети. Он нагибается над раненым, вырывает болт у того из плеча. Раненый снова кричит, и альбинос зажимает платком его рану. По местам, командует он, приготовиться к бою! Дай сюда, Алеко — он забирает у мальчишки пистолеты и суёт их себе за пояс.

На «Морской деве» вновь выстрелила носовая пушка. На этот раз ядро легло ещё ближе, едва не зацепив корму. Де ла Скэр вздрогнул и вышел из транса.

Керек что-то шептал себе под нос.

— Капитан, очнитесь.

Де ла Скэр опустил руку на плечо Кереку, но тот продолжал замороженно наблюдать

за вражеским фрегатом.

— Капитан... Да приди же в себя!

«Кидай, яр, кидай этот проклятый гарпун!»

Пальцы Керека свело от боли.

— Говорят, что ему подчиняются ветер и волны, — шептал он, не замечая никого вокруг. — Что он вызывает чудовищ, которые топят корабли.

Кереку казалось, что из воды сейчас покажется огромная башка кракена, и капитан не мог прогнать это видение.

Слишком много времени было потрачено на разворот. Расстояние между шхуной и фрегатом уменьшалось с каждой минутой. Совсем скоро «Морская дева» станет борт о борт с «Сестрой».

— Приготовиться к бою! — выкрикнул капитан.

Десять пушек против сорока восьми. Двадцать человек команды против... пятидесяти, ста? Сколько отверженных на борту фрегата? В любом случае «Сестра» обречена.

— Капитан, мы ещё можем сдаться, — едва слышно произнёс де ла Скэр, но Керек сбросил его руку со своего плеча.

Они не сдадутся. Для капитана из Пассата — это бесчестье, это хуже смерти. Тогда с позором изгоняют из клана. Почтарям-муссонцам этого никогда не понять. Нет, он примет смерть с поднятой головой.

Керек застегнул и тщательно расправил камзол. Пусть без рубахи это смотрелось смешно, но капитан должен встречать смерть достойно. Главное, чтобы никто не заметил, как дрожат его ноги.

«Сестра» обгоняла «Морскую деву» всего на полкорпуса, когда Керек приказал открыть огонь. Рывкнули пушки, и палубу заволокло дымом.

— Заряжай, сукины дети!

Выпрямившись, Керек стоял у фальшборта. Ему казалось, что ради сегодняшнего дня он и жил всё это время. Капитан улыбался.

Грохнул ответный залп. Ядра и картечь впились в обшивку «Сестры», засыпая палубу обрывками такелажа и обломками мачт. Эхо подхватило возгласы раненых и умирающих и унесло по проливу, всё повторяя и повторяя, чтобы затихнуть где-то вдали с последним криком.

Часть 1. Сокровище Бродяги Дека

Глава 1. Стреляй первым

Гордостью повара в таверне «Кабанья голова» была запечённая с зеленью башка хряка. Её принесли на большом подносе, и она возвышалась передо мной на столе, словно дохлое морское чудовище. Несколько минут мы смотрели друг другу в глаза, и я размышлял, как лучше приступить к трапезе. Наконец, выудил из кабаньей пасти пучок зелени и художественно разложил у себя на тарелке. Получившийся этюд напомнил горы моей родины. Вот стоящий на вершине утёса замок Шипов. Вот дорога к гавани, старые каменные ступени, по которым я когда-то сбегал босиком, рискуя содрать в кровь пальцы, что никак не подобало сыну главы гильдии. А вот и я сам спускаюсь на пристань.

Нет, это не я — это маленький водяной паук-серебрянка. Как ни в чём не бывало он полз по моей тарелке. Странно, откуда он здесь взялся? Я опустил перед пауком вилку, и тот побежал в обратном направлении. Врёшь, не уйдёшь! Я снова перегородил ему путь. Но паук не сдавался, настырно пытаюсь обойти преграду.

Тогда я попробовал управлять пауком силой мысли. Ведь ещё год назад я заставил бы его действовать, как захочу. Но проклятый паук всё так же упрямо продолжал свой путь.

— Ага! Вот ты где!

Это воскликнул высокий и худой муссонец. Только что он сидел за соседним столом и быстро писал в своей записной книжке, то и дело макая гусиное перо в чернильницу, а теперь уже замер у моего стола. Вблизи он напоминал жука-хваталку. Спрячется такая

букашка в листве, словно ветка или травинка, — даже не заметишь, если не пошевелится. А потом — раз, и сцапает ничего не подозревающую добычу острыми коготками.

Хоп — и незнакомец накрыл моего паука пустым стаканом.

— Сбежал от меня, негодник этакий! — воскликнул муссонец. — А я думаю: куда он делся? Иди-ка сюда!

Муссонец ловко извлёк серебрянку из-под стакана, а затем, нацепив на длинный нос круглые очки, принялся вертеть его перед глазами.

— Что ж, прощай, мой маленький восьмипалый друг, — задумчиво произнёс я, разглядывая свои пальцы. Как же они раньше могли удержать ветер?

Я больше не чувствовал власти над другими. В чём отличие, что изменилось во мне с тех пор? Неужели я потерял веру в себя? Или всё дело в терпком белом соке корка?

Незнакомец с интересом рассматривал пойманного паука, но нет-нет и бросал на меня изучающие взгляды, словно я был подопытным кроликом.

— Тиль де ла Муссон, — наконец представился он. — Морской зоолог к вашим услугам, э-э-э...

— Очень приятно, — кивнул я и демонстративно отвернулся.

Не хватало ещё вести светские беседы. Потоптавшись на месте, зоолог вернулся за свой стол.

Сегодня в таверне было много посетителей. Но где же тот, с кем у меня назначена встреча? Я не знал, как он выглядит. Здесь ли или появится позже?

Может быть, он затерялся среди китобоев из Пассата? Их шхуну принесло к острову вчерашней бурей, и эти мужланы не очень-то спешили обратно домой. Мореходы в испачканных чешуей дождевиках сгрудились за большим столом у входной двери, играли в кости, ссорились и грубовато подшучивали друг над другом.

Или он притворился торговцем оружием из Мистраля? Оружейник сидел у стены, забросив ноги на стол, и подобно мне, внимательно осматривал зал из-под густых бровей. Его правая рука замерла у портупеи с пистолетом. Скорее всего, мистралец был контрабандистом. Наверное, пытается договориться с кем-то из Циклона о поставке товара без пошлины Бризу. Что-то мне в нём не нравилось, вызывало беспокойство. Но что именно — понять я не мог.

Или человек, которого я ожидаю, притворился одним из здешних мореходов? Несколько угрюмых личностей пили ром под большим светильником и вели тихую беседу.

Что ж, посмотрим. Встреча назначена на полдень. Я открыл крышку своих наручных часов, чтобы проверить, сколько осталось времени. Зазвучали скрытые в механизме колокольчики. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать, значит, ждать оставалось совсем недолго. Говорят, Хельм дель Бриз весьма пунктуален.